

Сергей Ивкин. Автопортрет

Справка «ММ»

Сергей Валерьевич Ивкин родился 17 мая 1979 года в Свердловске. Поэт, художник, редактор, критик, переводчик. Член Союза писателей России. Автор десяти книг стихотворений. Живёт в Екатеринбурге, работает оформителем.

Участник Уральской поэтической школы, семинар Андрея Юрьевича Санникова. Председатель молодёжной секции Екатеринбургского отделения Союза писателей России. Один из составителей Третьего тома антологии Современной уральской поэзии и энциклопедии Уральской поэтической школы. Публиковался в журналах «Урал», «Знамя», «Дети Ра», «Крестьянин» и других.

Лауреат Первого Санкт-Петербургского конкурса имени И. А. Бродского (2014), литературной премии МуPrize (2018), конкурса переводчиков «Военный дневник» (2020), чемпион Турнира поэтов на кубок Ирины Евса (2021), финалист поэтического конкурса имени Н. С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (2019, 2021). Председатель литературной премии имени И. И. Акулова. Редактор международного журнала поэзии «Плавучий мост» (Германия, Дортмунд).

Публикация в литературной гостинной «ММ» стихов Сергея Ивкина – новогодний подарок нашим читателям.

Поэзия

✍ Сергей Ивкин

***

Стихотворение – ящик Экзюпери.
Белый барашек, смотри,
задремал внутри.
Он идеальный и дружит с Розой.
А самолёт и пустыня – проза.

Стихотворение – это колодец для сердца,
которому нужно напиться. Я не ощущаю жажды,
но жду наркоза.
А самолёт и пустыня – проза.

Стихотворение – нежный укус змеи.
Для прирученного лиса следы мои пахнут восторгом
и не таят угрозы.
А самолёт и пустыня – проза.

***

Прощаешься с родителями – вслух теперь обиды никому не скажешь.
Домой приходишь постоять в углу,
сварить себе кастрюлю манной каши,
помыть посуду, застелить диван,
найти за шкафом красного солдата,
поставить в ряд ботинок караван...
Отец был прав. И мать не виновата.

***

Горькое ядрышко сентября.
Августа мякоть.
Я призываю весь дождь на себя.
Чтобы заплакать.

Если по кодексу недопустим выброс железный,
я буду вынужден, небо, прости,
жить не серьёзно.

Рубище пастыря, гонор шута,
ярость озимых из паутины со дна решета –
в невыносимость.

***

Плывите!
И ваши каюты украсят верблюды и голуби.
Идите по звёздному атласу –
аверсу глобуса –

от Яффы, где улицы метят глазурию и ляписом,
до Гипербореи,

По звёздному атласу

где вешают головы люпусов.

Чем дальше от дома – сильнее планета вращается.
Чем дальше в пути, тем надёжнее плечи попутчика.

Когда капитан плоть и кровь раздаёт на причастие, всё лучшее – там, так зачем вам надежда на лучшее?

Плывите!
Отныне вы в зеркале моря – небесное воинство и ваши затылки наполнены ветром и правдою:

военный устав и благая пиратская вольница,
вселенская скорбь и конкретная песня для радости.

Семь футов под киль – и пускай сушеходы завидуют, что парус над вами белей, чем невеста на выданье,

что сохнет на шкотах закат и созвездия бусами ложатся на воду окладом следам Иисусовым.

Имена. Подозрения. Правда.
Лемех долгой обиды. Война.
Нас не пустят в счастливое завтра.
Нас не вспомнит другая страна.
Мы останемся в альтернативе:

там, где молится честному Че книжный мальчик, лежащий в крапиве, с лебединым крылом на плече...

Этот лес пока ещё пацан: мелкий ельник, молодая ЛЭП.
Он сбегал от скучного отца отыскать живой личикин хлеб.
Подпирает облако плечом и свистит пичугой «фить-фьють»:

Эти ваши дрязги – ни о чём.
Нарисуем лето – будем жить.

Не играй в царя горы, не сиди на крыше.
Понимаю, что инстинкт, понимаю, база.
Ты пятёрку получил тем, что просто выжил:

две ноги и две руки, даже оба глаза.
Очень медленно иди, и не прыгай в дыры.
Воля – это тяжело.

И не факт, что надо. Больше нет учителей. Только командиры.
И запомни: не прокис – вот и вся награда.

Положи ладонь на стол. Не смотри скелетом.
Я тебе не предлагал стать к себе добрее.

Но пока ты будешь жить, все твои билеты гарантируют подъём в нашей лотерее.

Отче Серафиме, вразуми.
Слаб и шаток стал я, слаб и шаток.
Осознал, что коротаю дни в табуне тоскующих лошадок.

Зелен луг и небосвод высок,
я же жду, молясь и негодуя,
ангела с серебряным лассо,
в межреберье шпору золотую.

Это не музыка, это – вода и хлеб.
Эти вибрации – тайна и сладкий грех.
Господи Вседержитель, твоё человек не леп, так почему он сегодня счастливей всех?

Крыши. Бутылка. Гитара.
Короткий дождь.
Ангелы Златокрылые, всем кранты!
Ты начинаешь петь, ничего не ждёшь и ничего не меняется – кроме ты.

Медленное крошево событий.
Кружево сближений и утрат.
Медвежонок, в парке позабытый,
принимает первый летний град.

Пуговки, уставленные в тучу,
высунутый замшевый язык:
«Господи, какой же я везучий!
Я к такому счастью не привык».

Плотность шелестящего потока.
Тяжесть шкуры. Холод по спине.
«Я не знал, что так бывает. О как!
Неужели это вправду мне?»

Тёплый туман поднимается с тополей.
Мальчик пробует воздух сверкающий рисовать.

Так не бывало прежде на тусклой его земле: облако не обрело контуры птичьельва,

древо не пронизали светом... Лови лучи и аккуратно укладывай меж листов.
Мастерство, которому взрослых не научить: видеть чистый воздух – мистику, волшебство.

Сколько пройдёт – откроют его тайник: супрематизм какой-то, иди смотри на изничку мира, в которую он проник, где все игрушки Бога светятся изнутри.

Рассказ

Андрей Мантель

Справка «ММ»

Андрей Евгеньевич Мантель родился 12 ноября 1965 года в Казахстане. В 1988 году окончил Куйбышевский медицинский институт. С 2007 года живёт в Магнитогорске, работает врачом-рентгенологом. Популярный сетевой автор – поэт, прозаик, эссеист. Сочиняет шутки и анекдоты, которые моментально разлетаются на цитаты и становятся современным фольклором. Творческий псевдоним – Жульен Стебо. Основная интернет-площадка – страница в социальной сети «Фейсбук» www.facebook.com/julien.stebo.

Миллиард

✍ Андрей Мантель

Николай никак не мог подцепить последнюю макаронину, наконец, она понеслась на вилке. Тщательно прожевав, Николай отломил кусок хлеба, до блеска отполировал сковороду, забросил блестящий маслом мякиш в рот, вытер губы и устался в телевизор. Шла реклама новогодней лотереи.

– Гляди, Аль, миллиард разыгрывать будут, не меньше ста человек получат по миллиону. Куплю что ли билет?

Алевтина сосредоточенно разливала чай по чашкам:

– Ну купи. А то уже устала спотыкаться, по всей квартире пачки денег штабелями стоят, давай хоть на лотерею потратим.

– Да что ты начинаешь, всего-то сто рублей. А у меня мысль ещё появилась: а давай купим всем гостям по билету! Ты вот ломаешь голову о подарках, а тут дешёво и сердито, и весело будет, выложим на стол – выбирайте, проверьте свою удачу! И всего-то десять билетов, это тысяча какая-то.

– Какая-то, – буркнула Алевтина, но в глазах блеснул интерес: чем бегать по торговым центрам в толкучке, может, действительно по билету каждому, и не накладно. – Покупай-покупай, и интрига будет, нервы пощекочем.

– Решено, завтра после работы куплю.

Алевтина села, отхлебнула чай, задумалась.

– А если кто-то выиграет?

– Ну и хорошо, в этом и смысл.

– Ладно мы, а если, например, Степановы?

– Значит, с Генки пузырь! – засмеялся Николай.

– А если миллиард?

– Какой миллиард?!

– Ты же сказал, миллиард разыгрывают. А вдруг... Нет, ты руками-то не махай. Поставь чашку, поставь, говорю. А теперь выпрямись, закрой глаза и представь: первого января вечером раздаётся звонок, и ты берёшь трубку – представил? И оттуда орёт как резаный твой Степанов: «Я выиграл миллиард!»

– Так здорово же!

– То есть ты сам, за свои деньги, после работы купил миллиард и потом Степанову его подарил: на, Генка, мы вот с женой подумали, ну зачем он нам, и так уже квартира вся в деньгах, а тебе пригодится.

– Ну что ты, Аля...

– Я уже сорок пять лет Аля! Ишь какой, я платье новое пошить не могу, а он миллиарды налево-направо раздаёт. Гуляй, Россия – щедрая душа! И в голову совсем не приходит, что и нам надо бы и ремонт наконец сделать, и машину посовременнее заиметь, и по заграницам покататься, а то уже от сада-огорода тошнит. И дети учатся, им тоже надо помогать. Но нет, подумаешь, миллиардом больше, миллиардом меньше. И главное, опять Степановым! И лодку свою резиновую ему подарил, и путёвку бесплатную в Пятигорск на него оформил. И я ведь знаю, почему! Что вылупил глаза? Знаю!

– Да что ты знаешь?!

– Сохнешь ты по его Светке, всё спровадить хочешь Генку куда подальше – на рыбалку или на курорт, – а сам к ней нырк под бочок, да? Ууу, кобелина! На это даже миллиарда не жалко, да? На, выкуси! Сама найду, на что потратить. Поживу хоть как человек. И тебя вытурю, лучших адвокатов найму, чтобы ты даже не думал претендовать хоть на копейку, пусть мне даже придётся половину им отдать, понял? А Степановым за что, за красивые глазки этой шалавы Светки? Да чтобы духу их больше у нас не было, звони им сейчас же, скажи, что мы передумали их звать на Новый год, обойдёмся. Губу раскатали, миллиард им на блюдецке! Да лучше уж Викуловым, они полжизни строят этот свой злосчастный дом, а кроме фундамента и одной стены так и не построили. Вот им в самый раз будет – и на дом хватит, и на баньку, и на беседку даже!

– Да там на замок хватит, – робко буркнул Николай, – где-нибудь во Франции.

– Молчи, знаток французской жизни! Лучше возьми тетрадь, ручку и записывай: перво-наперво Антошке квартиру в Москве покупаем, мальчик уже без пяти минут юрист, ему жить где-то надо? Надо, спрашиваю?

– Надо.

– Ну что опять вылупил, пиши-пиши. Значит так, квартиру купим. Ну и машину хорошую, джип, хватит ему в метро пуговицы терять, вечно как оборванец ходит, весь в тебя. Дальше. Лизу переводим отсюда в московскую медакадемию, тоже квартиру купим, машину, заслужила, отличница, умница моя. Сразу видно,

в меня девочка пошла, не испортил ты её своими тупыми генами. Сами тоже уедем из этой дыры, – наверно, в Подмосковье, поближе к детям, купим большой дом, на две семьи.

– Почему на две?

– А родителей моих тут, что ли, оставлять?

– А моих?!

– Нет, твои тут пусть живут, помогать будем, мне что, и в Подмосковье с ними скандалить? Ничего, им тут нравится, хочешь, новую квартиру им купим, я не против, в конце концов, и с Антошкой, и с Лизой твоя мама нянчилась. Дальше пиши...

Алевтина на глазах успокаивалась, ходила по комнате крест-накрест, размышляла вслух, перебирала варианты, на что потратить миллиард, Николай писал, зачёркивал, исправлял, вырывал листы, начинал заново. Закончили далеко за полночь, по итогу должно было остаться ещё миллионов триста, решили открыть счёт в швейцарском банке.

Засыпая, Алевтина благодушно пробормотала:

– А Генке, так уж и быть, катер купи, пусть рыбачит. Знаю-знаю, что ничего у тебя со Светкой не было и нет, это я так, горяча, просто разозлилась, самим миллиард ох как нужен, а ты готов вот так отда...

Николай тихонько встал, прошёл на кухню. Хорошо, что Аля успокоилась, так не хотелось портить праздничное настроение. В доме напротив, на седьмом этаже, мигала гирляндами ёлка. Николай полюбился и пошёл спать. До Нового года оставалось пять дней, и всё в нём будет замечательно, с миллиардом уж точно!